

ПРАКТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ: СУБЪЕКТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ¹

© 2010 г. Ю. К. Корнилов*, Е. В. Драпак**

**Кандидат психологических наук, зав. кафедрой общей психологии,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль;
e-mail: kornilov@bio.uniyar.ac.ru*

***Кандидат психологических наук, доцент, там же;
e-mail: eldrapak@mail.ru*

Рассматриваются отечественные и зарубежные подходы к практическому мышлению. Обсуждаются особенности мышления в практической деятельности, особое внимание уделяется его субъектной детерминации. Анализируется процесс решения практической задачи.

Ключевые слова: практическое мышление, деятельностная детерминация, субъектная детерминация, направленность на преобразование, надсодержательные категории.

ПОНЯТИЕ “ПРАКТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ” И ЕГО МЕСТО В ТЕЗАУРУСЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Понятие “практическое мышление” существует со времен его открытия и описания В. Келером в 1917 г. С тех пор этот вид мышления неоднократно исследовался, а само понятие наполнялось все новым содержанием. В какой-то мере практическое мышление оказалось тем удивительным явлением, на котором проверялась объяснительная сила возникавших концепций. Свою трактовку этого понятия пытались дать Л.С. Выготский и М.Я. Басов, С.Л. Рубинштейн и А. Валлон. Их соображения заслуживают серьезного внимания несмотря на то, что были построены на материале мышления ребенка [4, 6, 7, 22].

Проблема значительно усложнилась, когда Б.М. Теплов [25] обратил внимание на практическое мышление взрослых. Его интересовали не столько мышление, сколько способности практиков, которые решали сложнейшие задачи в ходе практической деятельности. Имелись в виду профессионалы высокого уровня: полководцы, руководители, хозяйственники и т.п. Вслед за его исследованием появились работы В.Н. Пушкина [21], В.В. Чебышевой [28] и др. о мышлении в различных видах профессиональной деятельности. При этом первоочередными были задачи психологического анализа и оптимизации “ин-

теллектуально насыщенной деятельности”, а не развитие теории практического мышления. Само же это понятие становилось более многозначным и неопределенным.

Наконец, работы представителей когнитивной психологии еще более усложнили проблему, а понятие практического мышления оказалось несколько иным, так как строилось на другой, не деятельностной, понятийной системе. Представления таких авторов, как С. Скрибнер [34], Р. Стенберг [35] и др., оказались достаточно близкими к принятому в России пониманию, однако они тоже не были точно определены.

Важно и то обстоятельство, что появились новые понятия, в чем-то пересекающиеся с интересующим нас практическим мышлением. Так, наряду с понятием “практик” появились “профессионал-эксперт”, “компетентный”. А изучение практического мышления расширилось проблемами комплексного мышления, познания в контексте [10, 15, 31–35].

Богатство исследовательских направлений, понятийное разнообразие можно было бы только приветствовать, если бы одновременно с ними не возникали размытость понятий, их недостаточная определенность. Было понятно, что мышление, которое изучал В. Келер, совпадая по ряду характеристик, существенно отличается от того мышления, которое рассматривал С.Л. Рубинштейн, и тем более от того, которое анализировал Б.М. Теплов. Назрела необходимость разобраться в феноменологической путанице и опреде-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-06-00477А).

лечь основание спецификации вида мышления, обозначаемого как мышление практическое. Очевидно, что в основе дифференциации того или иного процесса на отдельные виды должен лежать определенный, четко осознаваемый, концептуализированный критерий. Любые попытки эмпирически определить сущность того или иного вида предопределены пристрастностью автора и обречены на полемичность. Ретроспективный взгляд на проблему [12] обнаружил три разных основания, лежащие в основе определения мышления как мышления практического. Они могут быть обозначены как его гносеологические детерминанты. В качестве таких детерминант выступают: форма, в которой реализуется мышление – действенная или образно-понятийная (например, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, В. Келер, О. Липман и Г. Боген, Ж. Пиаже, А. Валлон); вид деятельности – учебная, экспериментальная или внеучебная (например, В.В. Чебышева, С. Скрибнер, Е.В. Конева); способ освоения действительности – практический, преобразовательный или научно-познавательный.

Последнее направление было задано известным трудом Б.М. Теплова “Ум полководца” [25], и в его русле выполнено большинство работ ярославской школы практического мышления [12, 14, 16, 19, 20, 23, 24].

Положение о практическом и теоретическом способе освоения действительности является аксиоматичным. В философской и психологической литературе [2, 5, 9, 17, 29, 30] отмечается, что главные вопросы практики *что делать?* или *как делать?* Таким образом, специфика решаемой задачи является критерием специфики мышления субъекта, и если он решает задачу *как* или *что делать*, то решает практическую задачу в любой сфере жизнедеятельности и, следовательно, мыслит практически. Практически мыслит пятилетний ребенок, если строит домик из кубиков; домохозяйка, готовя, например, не обычный, а праздничный обед; руководитель, отдавая распоряжение подчиненным; психолог, проводя тренинг или консультируя клиента.

Продолжая тему практики, практической деятельности как гносеологической детерминанты вида мышления, целесообразно затронуть еще один аспект проблемы. Практическое мышление есть мышление, сохраняющее все функциональные, структурные и процессуальные параметры этой родовой категории. В этом смысле практическое мышление – это опосредованное, обобщенное отражение действительности, протекающее как решение задачи через включение объекта

в разные системы связей и отношений и операционализируемое как мыслительные операции анализа, синтеза, обобщения и абстракции. Любое определение (в данном случае практическое) общего явления (в данном случае мышления) означает его спецификацию, детерминируемую тем или иным структурным элементом деятельности (в данном случае практикой как способом освоения действительности). Преобразовательная специфика деятельности определяет специфику мышления, высвечивая те или иные его свойства, при этом они становятся предметом научного познания. Определенный параметр деятельности, который берется в качестве основания классификации видов мышления, является системообразующим фактором, объединяющим отдельные свойства мышления в систему, обозначаемую как вид мышления. Поскольку любая практическая деятельность не является просто практической, имеет свой предмет, протекает в конкретных условиях, предполагает определенную функциональную иерархию, вид мышления может быть детерминирован и другими (помимо практики) структурными элементами деятельности. Так, свойства технического мышления определяются исходя из предмета деятельности, свойства диагностического – из основной функции деятельности, свойства оперативного мышления – из условий деятельности. Неконструктивность сравнения этих видов мышления очевидна, но однозначно, что анализ деятельности как структуры, включающей определенные элементы, требует и рассмотрения мышления в том или ином конкретном виде практической деятельности как полидетерминируемого феномена. Операционализируя данное положение, отметим, что наряду с общими характеристиками практическое мышление рабочего будет отличаться от практического мышления и руководителя и оператора в силу различия предметов их деятельности, что наглядно и убедительно было показано Д.Н. Завалишиной [13].

На данном этапе развития теории практического мышления можно говорить о том, что изучение мышления профессионалов в разных видах практической деятельности позволило определить те особенности мышления, которые характерны именно для практики.

Рассматривая специфику преобразовательной деятельности, необходимо отметить специфику объекта в практической деятельности. Объект, с которым имеет дело профессионал-практик, отличается особым видом сложности. Это *первая* особенность такого рода объектов, называе-

мых “большой системой” [17], “комплексным объектом” [26]. Обычно в качестве примеров таких объектов приводят большое производство, сложную машину и т.п.: они состоят из множества разнородных элементов, организованных в ряд систем связями различной природы. Важно то, что актуальные свойства такого объекта не могут быть сведены к нескольким обозримым, поддающимся охвату при решении задачи. Специфическая сложность приводит к тому, что у них появляется качественное своеобразие, а решение задач, возникающих в таких объектах, требует специфических приемов и средств. Таким образом, интересующие нас объекты обладают сложностью, комплексностью. Они содержат много групп элементов, отличающихся большим количеством свойств и разнообразием связей. Один и тот же элемент системы может входить в различные подсистемы целостного объекта, организованные по-разному и играющие неоднозначные роли в функционировании этого объекта. В результате решение должно учитывать изменение элемента не только в подсистеме, существенной для решения данной задачи, но и в других подсистемах.

Вторая важная особенность объектов такого типа связана с тем, что “комплексный объект” “движется”, т.е. функционирует, взаимодействует, реагирует на воздействия. В этом естественном движении реализуются его основные и побочные функции. В нем могут происходить сбои, возмущения, которые часто являются основанием для возникновения проблемных ситуаций. В принципе, действующий субъект всегда видит это “движение” объекта, его воздействие не должно разрушить объект, прекратить или существенно “возмутить”, нарушить его функционирование. Однако здесь необходимо учесть существенное: из факта движения объекта вытекает *третье* важное его свойство – изменчивость. Именно из-за движения трудно описать объект: его свойства и параметры так или иначе меняются. Эти изменения, с одной стороны, происходят потому, что сам объект растет, созревает или стареет, разрушается. С другой стороны, источником изменчивости может быть и сам действующий субъект: вносимые им изменения обычно так или иначе нарушают функционирование, а иногда и ход развития сложного объекта.

Четвертая особенность объекта в практической деятельности – абстрактность актуальных для мышления свойств при его непосредственной

данности субъекту. Практик нередко имеет дело с непосредственно данным объектом, однако, как правило, оперирует не его наглядно данными качествами, а некоторым абстрактным непредставимым содержанием: свойствами сырья поддаваться обработке, взаимоотношениями на участке, картиной болезни.

Следующая, *пятая* особенность объекта в практической деятельности – неопределенность, приблизительность выраженности тех или иных его свойств. Это происходит из-за его подвижности, изменчивости. В этом смысле сам объект является действительно неопределенным, его нельзя остановить. Недавно он был таким, а сегодня он несколько иной. И это следует учитывать: исходить не из точной величины заданного свойства, а из некоторой зоны.

Наконец, *шестая* особенность объекта в практике, неразрывно связанная с остальными, – его необратимость. В научной, собственно теоретической деятельности, когда объект не нужно преобразовывать, а требуется познать его собственные свойства, внутренние связи и отношения, его можно рассматривать в различных качествах, мысленно включать в разные контексты. При этом все действия обратимы, объект остается самим собой.

Свойства объекта преобразования определяют специфику объекта познания, характера обобщений и требований к решению в практике.

В практической деятельности субъект преобразует окружающий мир, а вместе с тем преобразуется сам. В этом смысле можно говорить о субъекте, объекте и их взаимодействии. Взаимодействие в процессе практической преобразовательной деятельности существенно зависит от условий и средств преобразования объекта, от особенностей не только объекта, но и субъекта. Действия субъекта зависят в свою очередь от его целей, от многих сложных обстоятельств этого взаимодействия. Так, объект преобразования сильнее или слабее сопротивляется преобразованию, требует использования некоторых определенных орудий воздействия, а ситуация может как способствовать, так и препятствовать преобразованию. Сам же субъект может хуже или лучше знать объект, в разной степени владеть способами преобразования. Субъект, объект воздействия (или взаимодействия) и вся ситуация их взаимодействия (при активной роли субъекта) образуют “взаимодействующую систему”, любое звено которой так или иначе влияет на ее движение, т.е. на процесс

осуществления цели субъекта – преобразование объекта.

Взаимодействующая система, будучи “куском реальности”, является объектом познания действующего субъекта и детерминирует специфику практических обобщений. Для них в первую очередь характерны действенность, т.е. практические обобщения отражают свойства объекта, готовые к изменению в заданном субъектом направлении. Другая сторона действенности обобщений отражает обобщение способа действия (М. Хайдеггер), формирование “поведенческих программ” (Й. Хоффман). Спецификой практических обобщений является также их ситуативность, неразрывно связанная с “потенциальной существенностью любого свойства, ситуации, объекта, информации” (Д.Н. Завалишина). Традиция рассмотрения относительной существенности свойств объектов в практике была заложена еще Аристотелем. Как исключительная форма познания, относительность истинного и существенного абсолютизировалась философией прагматизма, согласно положениям которого “истинно то, что отвечает практической успешности действия” (У. Джемс), или то, что “обеспечивает успех в данной ситуации” (Дж. Дьюи). У. Джемс рассматривал человека как сложный комплекс свойств, из которого провиантмейстер, генерал, столяр, театральный антрепренер извлекут только одно, отвечающее цели его деятельности [11]. Цель, имеющая конкретное содержание при решении практической задачи (выполнение плана для руководителя, продвижение товара для менеджера, изготовление продукции необходимого количества и качества для рабочего), определяет анализ ситуации и характер познания. В процессе анализа в ситуации выделяются те свойства, которые требуются субъекту именно в данной ситуации. Следующей характеристикой практических обобщений является их событийность [8]. В отличие от структурных обобщений, они несут на себе именно отпечаток пережитого события, развернутого во временном плане.

Следует отметить также полиопосредованность, полимодальность обобщений [18]. Это позволяет субъекту пользоваться многочисленными способами опосредования, репрезентации и осмысливать максимально широкую индивидуализированную ситуацию в разнообразных аспектах ее функционирования. Индивидуализированность можно назвать самостоятельной характеристикой обобщений, хотя она, безусловно, имманентно входит во все перечисленные.

Особенности объекта воздействия предъявляют также требования к принятию решения в практике. Практик, например, никогда не ищет точных решений, но настойчиво стремится к тому, чтобы его решение оказалось в зоне с требуемыми свойствами. Абстрактность содержания (при конкретной “внешности условий”), изменчивость, многоэлементность, неопределенность заставляют не только определенным образом действовать с объектом, но и специфически познавать в связи с задачей преобразования и с учетом особенностей, “податливостей” объекта в соответствии с имеющимися целями. При решении задач со сложными и неопределенными объектами непременно производятся пробные действия, позволяющие “нащупать” направление и характер “податливости”, определить расположение зоны решения. Решение должно учитывать изменение элемента не только в существенной для решения данной задачи подсистеме, но и в других подсистемах, в которые он включается. Найденное решение в принципе должно быть реализуемо, и в нем непременно должны предполагаться последствия его реализации.

Таким образом, практика как гносеологическая детерминанта позволила вычленивать ряд особенностей мышления, которые связаны между собой и могут быть квалифицированы как вид практического мышления. При этом очевидно, что, как и любой другой вид мышления, оно является необходимой гносеологической абстракцией, позволяющей анализировать, диагностировать и развивать определенные стороны мышления в конкретной практической деятельности.

Положение о деятельностной детерминации мышления предполагает формирование идеальной (конгруэнтной данной деятельности) модели мышления или модели вида мышления (как совокупности определенных характеристик целостного процесса), но оставляет открытым вопрос об уровневой и индивидуальной специфике мышления и ведет к его субъективизации – приписыванию мышлению свойств субъекта. К.А. Абульханова-Славская, отмечая данную тенденцию, подчеркивает, что “возникло в известном смысле парадоксальное представление, что мыслит как бы само мышление, а личность является только его носителем, обладателем, что мысли сами приходят в голову и также непроизвольно уходят; что задачи решаются или не решаются. Так мыслящий человек был заменен его мышлением, а его мышление некоторым набором задач” [1, с. 216].

РЕАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТНОГО ПРИНЦИПА В ПРАКТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

В соответствии с субъектным принципом в психологии “все психические процессы протекают в личности и каждый из них в своем реальном проявлении зависит от нее” (С.Л. Рубинштейн). Практическая деятельность – это всегда деятельность субъекта, определяющего в единстве всех его сторон специфику отдельных психических процессов, в том числе и мышления. Исходя из этого, более точно было бы говорить не о практическом мышлении, а мышлении практика. Не мышление направлено на преобразование, а субъект имеет направленность на преобразование. Не мышление действенно, а субъект ориентируется на выполнение определенных действий и т.п. И дело не в корректности высказывания. Подобная метаморфоза усиливает положение о внутренней детерминации процесса мышления и актуализирует проблему соотношения внешних и внутренних условий развития мышления. Обсуждаемое нами выше положение о зависимости мышления от характера деятельности отражает общее положение о формировании и развитии способностей, индивидуальных особенностей человека в деятельности. Как известно, оно оформилось в психологии как оппозиционное тому, что субъект лишь проявляется в своих деяниях, а не ими также сам и создается. И то и другое положение оказываются бесспорными только в своем единстве – в деятельности субъект и формируется и проявляется. На каждом этапе развития субъект выступает как результат предыдущей деятельности и представляет собой совокупность внутренних условий, которые опосредуют все внешние воздействия, в том числе и требования выполняемой им деятельности. Если говорить об индивидуальной специфике мышления как практического, то очевидно, что она обусловлена и предшествующими внешними воздействиями, которые на момент начала выполнения деятельности выступают в качестве внутренних условий, и наследственными, врожденными особенностями субъекта, т.е. изначально внутренними. Второй аспект проблемы субъектной детерминации мышления связан с обсуждаемым нами ранее положением о полидетерминируемости мышления в определенном виде практической деятельности. Здесь речь идет о том, что субъект не может быть просто практиком. У него, например, может быть определенная направленность на предмет деятельности, т.е. он может быть прекрасным техником, но плохим руководителем. В этом случае свойства мышления, высвечиваемые предметом деятельности, будут

доминантными по отношению к практическим особенностям мышления. Однако может быть и другой вариант, когда субъект успешно делает карьеру от рабочего до министра. В этом случае можно предположить доминирование практических свойств мышления, когда и предмет, и условия деятельности не являются определяющими для успешной деятельности субъекта. В целом же следует отметить, что реализация регулирующей функции мышления в практической деятельности есть производное некоторых независимых переменных, в качестве которых выступают подсистемы свойств мышления (виды мышления как гносеологическая категория) и подсистема общих мыслительных способностей.

На наш взгляд, субъектная детерминация мышления проявляется в самостоятельном структурировании проблемы и на ее основе задачи, во введении в нее дополнительных условий, идущих со стороны субъекта. Можно считать аксиомой, что, в отличие от учебной, во внеучебной деятельности субъект самостоятельно выделяет ту реальность, которая обуславливает появление проблемной ситуации. Если отражаемая субъектом ситуация не согласуется с имеющимися у него образованиями (знаниями, целями, потребностями и т.д.), то ситуация субъект-объектного взаимодействия становится проблемной. Первоначально суть проблемности для субъекта не определена, для него она представлена как “что-то не так”. Эта проблемная ситуация как онтологическая категория становится предметом мышления субъекта (категорией феноменологической); происходит осознание сути рассогласования, что выражается в структурировании проблемы. Процесс структурирования соответствует общей тенденции развертывания психических процессов: от “глобального и относительно нерасчлененного отражения действительности к все более полному и точному, от слабо детализированной, но общей картины мира к структурированному и целостному ее отражению” [17, с. 162]. В нашем исследовании [12] было показано, что в проблемной ситуации, имея в качестве объекта мышления неструктурированную действительность, субъект может поставить разные проблемы: причинные (*почему это происходит?* или *с чем это связано?*), типичные для теоретической научной деятельности, или преобразовательные (*что делать?* или *как это изменить?*), типичные для практической, преобразовательной деятельности. Поставленная проблема отражает мотивационную направленность субъекта, позволяющую дифференцировать теоретиков и практиков.

Однако поставленная субъектом преобразовательная проблема не всегда будет проявлением преобразовательной направленности. Ее постановка может быть результатом принятия цели той деятельности, которую выполняет субъект. Принятие цели деятельности в свою очередь определяется всей мотивационной системой субъекта. Здесь уместно вспомнить о феномене произвольного и непроизвольного целеобразования (О.К. Тихомиров). Именно при непроизвольном целеобразовании и проявляется в первую очередь мотивационный аспект мышления, привлекательность для субъекта практических или научных мыслительных задач.

Принимая положение о том, что единственное проявление направленности на преобразование – это постановка преобразовательной проблемы (*что или как делать?*), рассмотрим возможные механизмы направленности на преобразование как субъектной категории. Любая поставленная проблема есть объективация возникшего противоречия. Если говорить о преобразовательной проблеме, то она, как показали наши исследования [12], возникает на основе когнитивного противоречия и его эксплицирует. Когда мы говорим о когнитивном противоречии, речь идет о нарушении целостности надсодержательной схемы субъекта в процессе восприятия окружающего. Непредставленность в этой схеме тех или иных отношений есть противоречие, которое обуславливает нерелевантную активность субъекта и энергетизирует мыслительный процесс. Если надсодержательная схема субъекта предполагает для своей законченности и целостности в качестве структурного элемента способ преобразования действительности, то его отсутствие в отражаемой действительности и обусловит когнитивное противоречие. Поставленная проблема, эксплицируемая через вопрос, детерминирует и содержание, и структуру решаемой задачи. Еще раз подчеркнем, что вне учебной деятельности задача структурируется полностью или частично самим субъектом, т.е. условия, требования задачи вводятся им самостоятельно. Становится понятно: от того, что будет включено в задачу, в первую очередь будет зависеть качество ее решения. Таким образом, обсуждение проблемы влияния опыта на процесс решения задачи является, на наш взгляд, необходимым для понимания процесса развития и целенаправленного формирования практического мышления.

Влияние содержательного опыта на процесс мышления достаточно широко представлено в литературе через понятия: “личностные смыс-

лы” (Л.Л. Гурова, Г.С. Костин, Н.Н. Менчинская и др.), “системы-анализаторы” (Б.М. Теплов, Ю.К. Корнилов), “стереотипия” (Е.В. Конева). Нас же сейчас интересует надсодержательная, формальная сторона опыта. Особенно выразительно суть положения о двусторонности опыта показана П.К. Анохиным, который писал, что “в любом действии, в любой деятельности вообще мы должны различать два фактора – архитектуру и заполнение этой архитектуры конкретным материалом... Мы можем построить дом в стиле ампира из деревянных конструкций и одновременно создать тот же ампир из кирпичей. Материал различный, но стиль архитектуры тот же. О чем это говорит? Это говорит о том, что сама архитектура в известной степени независима от материала. Здесь нет аддитивной суммации материалов, и целое не есть сумма частей” [3, с. 11–13].

Любопытно, что так же, через образное сравнение, назвал “умственной химией” формальную сторону познания Ж. Пиаже. Не обсуждая в данной работе разные аспекты двусторонности мышления, отметим основные, наиболее значимые для нас в обсуждаемом контексте характеристики формальной стороны: во-первых, переносимость на содержательно различные задачи; во-вторых, факт однозначно субъектной детерминации структуры задачи.

В качестве формальных, идущих от субъекта условий структурирования практической задачи можно рассматривать некоторые абстрагируемые научной мыслью особенности практического мышления. Сюда, безусловно, могут быть отнесены: условие конкретности ситуации действия, условие реализуемости решений, податливость объекта к воздействию, собственные возможности в данной ситуации, изменяемость ситуации. Через поставленную проблему и вводимые в задачу условия процесс мышления специфицируется как практический или теоретический.

Эти формальные, идущие от субъекта и структурирующие задачу условия можно назвать надсодержательными субъектными категориями (“структурирующими категориями”). Понятно, что рассматриваемые нами надсодержательные категории имеют свое содержание, через которое задача специфицируется как практическая или теоретическая, но они являются формой по отношению к “упаковываемому” в задачу ситуативному содержанию. Понятие “надсодержательные категории” функционально совпадает с метакогнитивной структурой когнитивного опыта, рассматриваемого М.А. Холодной как особые психологические механизмы, обеспечивающие

эффекты управляемости интеллектуальной деятельностью [27].

Возвращаясь к проблеме становления практического мышления в данном контексте, очевидно, что высокий уровень развития практической стороны мышления заключается в степени обобщенности и переносимости практических надсодержательных субъектных категорий и введении необходимых и достаточных условий в задачу. Это и есть проявление профессионализации субъекта. Любая из надсодержательных субъектных категорий в свою очередь является результатом обобщения, генерализации содержательного успешного опыта решения конкретных задач. Что способствует этому процессу?

С одной стороны, поскольку практическое мышление – это мышление, то уровень его развития будет определяться уровнем развития мыслительных операций, общими умственными способностями, которые обеспечивают генерализацию успешных умственных действий. Отметим разницу формирования надсодержательных субъектных категорий как условий, вводимых в задачу субъектом деятельности. В первом случае направленность на преобразование как мотивационная составляющая при некотором необходимом уровне развития общих умственных способностей детерминирует процесс генерализации успешных умственных действий. Второй путь – это успешность генерализации за счет высокого уровня развития обобщения как мыслительной операции. Однако этот путь сработает в том случае, если задача *что* или *как делать?* принимается субъектом.

В исследовании [12], посвященном изучению представленности в обыденном сознании субъектной специфики “теоретики” и “практики”, использовалась техника репертуарных решеток Дж. Келли. Обнаружилось, что подсистемы “практики” и “теоретики” не попадают на референтную ось, т.е. они не альтернативны. Альтернативой по отношению к “практикам-преобразователям” и имеющую тенденцию к альтернативности по отношению к “теоретикам” является система представлений о “непрактиках” как людях, не приспособленных к быту. Эта подсистема возникла в результате того, что заданные полюса конструктов оценивались как положительные и отрицательные, желательные и нежелательные. В этой оценке проявилось подключение нового конструкта, одним из полюсов которого является “ум” или “общие умственные способности”. Это положение очень удачно операционализировано одним из испытуемых, который отметил, опреде-

ляя практическую или теоретическую специфику индивидуальности своего знакомого: “Это умный и разносторонне образованный человек. Вероятно, поэтому у него получается все, за что бы он ни взялся”. В данной статье мы не операционализируем понятие “общие умственные способности”, а рассматриваем сущность развития мыслительных операций, намечая лишь их место в процессе развития практического мышления. Именно как проявление общих умственных способностей, не зависящих ни от специфики, ни от содержания деятельности, которую реализует субъект, Б.М. Теплов [25] в “синдроме” ума полководца выделял критичность, самостоятельность, гибкость при устойчивости мышления, активность.

Таким образом, высокий уровень развития общих умственных способностей обусловит генерализацию успешных умственных действий и превращение их в надсодержательные субъектные категории, вводимые в решаемую задачу в качестве ее условий.

Как уже отмечалось, задача структурируется в соответствии с поставленной проблемой, по крайней мере специфика проблемы является необходимым условием введения в задачу определенных формальных условий. Если поставленная проблема – проявление субъектной направленности на преобразование, то она не только определяет содержание и формальную структуру задачи, но и активизирует мыслительный процесс в целом, мыслительные операции в частности, обобщение успешных умственных действий при решении практических задач. Например, практик (человек с преобразовательной мотивацией) получает дополнительный ресурс при решении практических задач. Если же он вынужден решать задачи познавательно-научные, то находится уже на функциональном уровне развития мышления и не имеет такого ресурса.

Таким образом, можно отметить, что, во-первых, мышление субъекта в реальной профессиональной деятельности представляет собой многослойную, полидетерминируемую и внутреннедетерминируемую систему. Практичность мышления проявляется через поставленную преобразовательную проблему и специфически практическое формирование задачи; во-вторых, профессионализация мышления как практического заключается в формировании надсодержательных категорий, представляющих собой результат генерализации успешных умственных действий и определяющих структурирование принятой к решению задачи; в-третьих, формирование надситуативных категорий детерминировано, с од-

ной стороны, мотивационной направленностью субъекта, с другой – уровнем развития общих умственных способностей, которые выполняют в развитии взаимодополняющие функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Наука, 1991.
2. *Андреев И.Д.* Теоретическое мышление: сущность и основные принципы. М., 1962.
3. *Анохин П.К.* Проблема принятия решения в психологии и физиологии // Проблемы принятия решения. М., 1976. С. 7–16.
4. *Басов М.Я.* Избранные психологические произведения. М., 1975.
5. *Баталов А.А.* К философской характеристике практического мышления // Вопросы философии. 1982. № 4. С. 62–73.
6. *Валлон А.* От действия к мысли. М., 1966.
7. *Выготский Л.С.* Собр. соч. М., 1984. Т. 6. С. 50–90.
8. *Варенов А.В.* Мышление и репрезентация знаний // Практическое мышление и опыт: ситуативность и инструментальность обобщений. Ярославль: ЯрГУ, 2000. С. 71–79.
9. *Гайденок П.П.* Эволюция понятия науки. М., 1980.
10. *Дернер Д.* Логика неудачи. М., 1997.
11. *Джемс У.* Мышление // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М., 1981. С. 11–21.
12. *Драпак Е.В.* Субъектность практического мышления // Субъект и объект практического мышления. Монография / Под ред. А.В. Карпова, Ю.К. Корнилова. Ярославль: Рамдер, 2004. С. 103–122.
13. *Завалишина Д.Н.* Мышление в материально-производственном труде // Психол. журн. 1984. Т. 5. № 5. С. 3–13.
14. Изучение практического мышления: итоги и перспективы: Сб. статей / Под ред. проф. Ю.К. Корнилова. Ярославль, 1999.
15. *Карпов А.В.* Методологические основы психологии принятия решения. М.: ИП РАН, 2000.
16. *Корнилов Ю.К.* Психология практического мышления. Монография. Ярославль: ДИА-Пресс, 2000.
17. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
18. *Панкратов А.В.* Полиопосредованность практического мышления // Субъект и объект практического мышления. Монография / Под ред. А.В. Карпова, Ю.К. Корнилова. Ярославль: Рамдер, 2004. С. 178–192.
19. Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемости знаний: Сб. статей / Под ред. Ю.К. Корнилова. Ярославль, 1997.
20. Психология практического мышления. Ярославль: ДИА-Пресс, 2000.
21. *Пушкин В.Н.* Оперативное мышление в больших системах. М.–Л., 1965.
22. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1946.
23. *Солондаев В.К.* Особенности проблемных ситуаций в мышлении практика // Психология субъекта профессиональной деятельности / Под ред. А.В. Брушлинского, А.В. Карпова. М.; Ярославль: ДИА-Пресс, 2001. С. 258–271.
24. Субъект и объект практического мышления. Монография / Под ред. А.В. Карпова, Ю.К. Корнилова. Ярославль: Рамдер, 2004.
25. *Теплов Б.М.* Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. С. 252–344.
26. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
27. *Холодная М.А.* Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2002.
28. *Чебышева В.В.* Психология трудового обучения. М., 1969.
29. *Щавелев С.П.* Практическое познание как философско-методологическая проблема // Философские науки. 1990. № 3. С. 117–122.
30. *Эткинд А.М.* Психология практическая и академическая: расхождение когнитивных структур внутри профессионального сознания // Вопросы психологии. 1987. № 6. С. 20–30.
31. *Berg C.A., Calderone K.S.* The role of problem interpretations in understanding the development of everyday problem solving // Mind in context: interactionist perspectives on human intelligence. Cambridge Univ. Press, 1994.
32. *Ericsson K.A., Smith J.* Prospects and limits of empirical study expertise // Toward a general theory of expertise: Prospects and limits. Cambridge Univ. Press, 1991.
33. *Lipman O., Bogen H.* Naïve Physik. Leipzig, 1923.
34. *Scribner S.* Studying Working Intelligence // Everyday Cognition: its development in social context. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1981.
35. Tacit knowledge in professional practice / Ed. by R.J. Sternberg, J.A. Horvath. LEA inc., 1997.

PRACTICAL THINKING: SUBJECT'S DETERMINATION

J. K. Kornilov*, **E. V. Drapak****

**PhD, head of general psychology chair, Yaroslavl State University after P.G. Demidov, Yaroslavl;*

***PhD, assistant professor, the same place*

Domestic and foreign approaches to practical thinking are considered. Peculiarities of thinking in practical activity are discussed. Special attention is paid to its subject's determination. Process of practical problem solving is analyzed.

Key words: practical thinking, activity determination, subject's determination, orientation to reorganization, above-substantial categories.